

Мама дала мне новое имя. Теперь я отзывалась на Катя, Катюшка, Катеринка, Катенька. Правда, помимо этого, среди прочего в мой адрес звучало блядь, шлюха, дырка, хуесоска, жополизка и тому подобные слова. Часто к этому прибавлялось вонючая, грязная, конченная, дешевая. Маме нравилось меня оскорблять, а мне нравилось доставлять маме удовольствие.

Мама сделала мне лазерную эпиляцию по всему телу, убрав все лишние волоски, а вот волосы на голове было приказано отращивать. Именно приказано, поскольку я стала скорее рабыней, чем просто дочерью.

Мама вернула мне анальную затычку, и, по ее приказу, все то время, пока моя попа не использовалась, затычка была во мне. Конечно, это доставляло мне уйму удовольствия, но теперь драть мне можно было только с маминого разрешения.

Всю мою мужскую одежду мама выбросила, зато накупила уйму женской и разделила со мной часть своего гардероба. Кончать во время мастурбации я должна была только в трусики, а иногда даже писать и какать не снимая их. Менять белье так же следовало только по маминому приказу, а ей, похоже нравились подобные ароматы, так что нередки бывали случаи, когда прохожие рядом со мной морщили носы.

Я стала принимать женские гормоны, и от этого у меня заметно округлились ягодицы и начала расти грудь. Пока что мои сисечки едва дотягивали до первого размера, зато приобрели потрясающую чувствительность. Так что я иногда кончал просто трахая себя маминым straponом, теребя при этом сосочек.

Мама научила меня пользоваться косметикой и ходить на каблуках, а волосы отрасли настолько, что я смогла подстригаться каре. Стройные ноги, плоский животик и обтягивающая попу мини юбка, длинны которой хватало лишь на то, что бы спрятать мой член, — для окружающих я была сногсшибательной девчонкой, и парни постоянно провожали меня глазами.

Мама трахала меня straponом или любым другим подходящим предметом, если ей это вдруг казалось возбуждающим. Иногда мне позволялось трахать ее, но все больше я доставляла ей удовольствие языком, тщательно вылизывая ее дырочки.

Однажды она позвала меня с собой в туалет, уселась на унитаз, раздвинув ноги, и приказала мне встать перед ней на колени. Я послушался ее и наблюдал, как из маминой писи тонкой струйкой забила моча. Когда же желтоватый поток иссяк, мама чуть поднапряглась, громко пукнула, и я увидел, как из нее в унитаз начали падать небольшие колбаски говна.

После испражнения мама встала передо мной и сказала:

— Ну-ка, шлюха, подотри мою писю своим блядским языком, — и приблизила свое влажное влагалище к моему лицу.

В нос ударил запах ссак и говна, я видел каждую капельку мочи, блестящую на маминой пизде и лобковых волосах.

Послушно высунув язычок, я провела им по каждой складочке восхитительной писи моей матери-госпожи, собрав всю оставшуюся мочу. После этого засунула язычок в дырочку и провела им внутри.

— Хорошая шлюха, — похвалила меня мама и погладила по голове, как гладят собаку.

Потом она развернулась и чуть наклонилась, подав ко мне задницу. Взяв себя за ягодицы,

она слегка развела их в стороны и приказала:

— А теперь полижи-ка здесь, мамина попа должна быть чистой.

Я увидел, что коричневая масса размазалась по внутренней поверхности ягодич, и мне стало неприятно.

— Я не хочу, госпожа, — признался я.

Мама резко развернулась и вlepила мне такую пощечину, что я аж упала на спину. Потом она поставила ногу прямо мне на пах и надавила. Я закричал от боли, слезы потекли из моих глаз.

— А мне плевать, что ты хочешь, вонючая сука! Или сейчас же слижешь все дерьмо с моей жопы, или я тебе яйца раздавлю! — мама кричала, ее лицо пылало ненавистью.

— Так что ты выбираешь, хуесоска?! — и чуть усилила давление.

Боль была такой сильной, что я просто не мог ей отказать.

— Я слижу ваше гавно, госпожа, — проскулил я.

— Громче! — приказала мама.

— Я слижу все гавно с вашей попы, госпожа! — закричал я.

Голос мой дрожал, я чуть не сорвался на фальцет, но мама улыбнулась:

— Вот так, блядь, а то я уже решила, что ты хочешь расстроить мамочку, — она вновь отвернулась, выпялив свой зад мне навстречу.

На этот раз она не стала раздвигать ягодич, и мне пришлось сделать это самому. Я все еще содрогался от схлипов, когда кончиком языка провел по маминой попе зачерпнул первую порцию какашек.

Как-то вылизывая мамин анус я уже пробовала на вкус ее какашки, но тогда я был возбужден сперма давила мне на мозги. Теперь же я испытывал только омерзение, страх и отвращение.

Проглотить мамино дерьмо оказалось не таким уж простым делом. Я едва не сблевала и только чудо спасло меня от этого.

Я раз за разом повторяла одну и ту же операцию — проводила по засраной попе языком, собирая немного свежего говна, затем, подавляя тошноту, сглатывал этот урожай, а потом повторял все по новой.

Наконец я закончил. Мамина попа блестела от моей слюны, на ней не было ни пятнышка, а во рту у меня был ужасный привкус.

Мама провела пальчиком у себя между ягодичами и пристально посмотрела на результат.

— Я так и знала, что из тебя получится отличная подтирка. Теперь всякий раз, когда я захочу пописать или покакать, ты будешь ходить в туалет со мной, и я буду использовать твой язык вместо туалетной бумаги. Понятно?

— Да, госпожа.